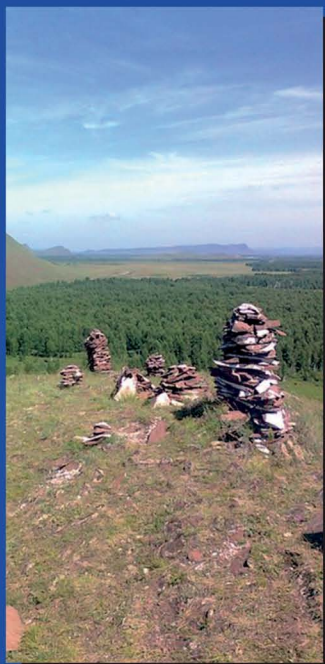

Б. Ч. ООРЖАК

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ТУВИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Б. Ч. Ооржак

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2014

УДК 811.512
ББК 81.2Тув-2
О 59

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных лингвистических исследований
проект № В-21

Утверждено к печати Ученым советом Института филологии
СО РАН и Научно-техническим советом ФГБОУ ВПО
«Тувинский государственный университет»

Работа выполнена в соответствии с тематическим планом научно-исследовательских работ ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет», проводимых по заданию Министерства образования и науки РФ (регистрационный номер — No 2014/390)

Научный редактор д. филол. н. *Н. Н. Широбокова*
Рецензенты: д. филол. н. *Л. А. Шамина*,
д. филол. н. *И. В. Шенцова*, д. филол. н. *А. Д. Каксин*

Ооржак Б. Ч.

О 59 **Временная система тувинского языка.** — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 184 с.

ISBN 978-5-94456-212-7

В монографии представлены результаты первого целостного исследования временной системы тувинского языка в динамике ее развития. Описывается структурно-семантическая организация временных полей тувинского языка с учетом прагматических особенностей ряда временных форм. Рассматриваются общие форманты, сходство и различие их семантики и их место в глагольной парадигме в тувинском и в исторически связанном с ним древнеуйгурском языке, а также во входящих в один ареал с тувинским южносибирских тюркских языках.

Проведенный анализ временной системы тувинского языка, материалы, выводы и обобщения, приводимые в работе, могут быть использованы для уточнения данных описательной грамматики, создания учебников по тувинскому языку. Исследование представляет интерес для тувинистов, а также тюркологов и типологов, работающих над проблемами грамматики.

УДК 811.512

ББК 81.2Тув-2

В оформлении переплета использованы фотографии
Э. В. Пекишиной, О. Ш. Ооржака.

ISBN 978-5-94457-212-7

© Б. Ч. Ооржак, 2014

© Языки славянской культуры, 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. Теоретические проблемы, связанные с определением категориального статуса форм, передающих значения времени, модальности, аспекта и эвиденциальности в тувинском языке.....	13
1.1. Краткая история изучения вопроса.....	13
1.2. Теоретические проблемы, связанные с выделением временной парадигмы тувинского языка.....	17
1.3. Время в общем и тюркском языкознании.....	21
1.4. Понятие аспекта в общем и тюркском языкознании.....	25
1.5. Категории модальности и наклонения в общем и тюркском языкознании.....	33
1.6. Эвиденциальность.....	38
ГЛАВА II. Временная система тувинского языка.....	45
2.1. Общие тенденции развития временных систем в тюркских языках Сибири.....	45
2.2. Система прошедшего времени.....	57
2.2.1. Форма прошедшего времени на <i>-ды</i>	58
2.2.2. Форма прошедшего времени на <i>-ган</i>	68
2.2.3. Форма прошедшего времени на <i>-чык</i>	77
2.2.4. Форма прошедшего-настоящего времени на <i>-бышаан</i>	83
2.2.5. Форма прошедшего времени на <i>-п-тыр</i>	87
Выводы.....	95
2.3. Система настоящего времени.....	98
2.3.1. Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-\emptyset$	101
2.3.2. Форма настоящего времени на $T_v-n V_{(бытия)}-ap$	107
2.3.3. Форма настоящего времени на <i>-а-дыр</i>	113
Выводы.....	122

2.4. Система будущего времени.....	125
2.4.1. Форма будущего времени на <i>-р</i>	125
2.4.2. Форма будущего времени на <i>-галак</i>	134
Выводы.....	148
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	151
Литература	159
Приложение 1. Сведения об информантах.....	175
Приложение 2. Сокращения и символические обозначения.....	178

*Посвящаю моим родителям
Чаиш-оолу Санааевичу и
Зое Тырышпайевне Ооржак*

ВВЕДЕНИЕ

В работе представлены результаты первого целостного исследования временной системы тувинского языка в динамике ее развития. Описывается структурно-семантическая организация временных полей тувинского языка с учетом прагматических особенностей ряда временных форм. Также рассматриваются общие форманты и их место в глагольной системе в тувинском, исторически связанном с ним древнеуйгурском языке и южно-сибирских тюркских языках, входящих в один ареал с тувинским.

Тувинский язык — язык тувинцев, тюркоязычного этноса, компактно проживающего в Республике Тыва Российской Федерации. Также тувинцы небольшими группами проживают на юге Красноярского края, в приграничных с Тувой аймаках Монголии и в Синьцзянь-Уйгурском автономном округе Китая. По данным переписи населения 2010 г., в Российской Федерации говорят на тувинском языке 253 673 человека.

Территория Тувы входит в ареал распространения древних рунических памятников, оставленных племенами, входившими в объединения орхонских, уйгурских, кыргызских племен. В этот ареал также входят Хакасия, Монголия, Алтай, Бурятия и др. Это свидетельствует о сложных исторических и политических процессах, происходивших на данной территории и оставивших свои следы в формировании языков народов, населяющих данные регионы [Убрятова 1980; Широбокова 2005].

Отношение современных тюркских языков Южной Сибири к древним тюркским языкам, носители которых проживали на данной территории, устанавливаются на основании языковых, исторических и географических факторов. По классификации Н. А. Баскакова, сибирские тюркские языки, кроме южных диалектов алтайского, входят вместе с древнетюркским и древнеуйгурским в уйгуро-огузскую группу тюркских языков [Баскаков 1960: 62].

По мнению А. М. Щербака, сибирские тюркские языки относятся к разным группам: большинство сибирских языков — северные диалекты алтайского языка, хакасский, чулымский, шорский вместе с сарыг-югурским — входит в смешанную группу; южные диалекты алтайского языка и барабинский вместе с киргизским, казахским, башкирским, татарским и др. составляют кыпчакскую группу; якутский и долганский образуют отдельную группу; в урянхайскую группу объединены тувинский, тофский и уйгуро-урянхайский языки [Щербак 1994: 34—41].

Ступенчатая реконструкция, основанная на лингвогеографическом подходе, разводит сибирские тюркские языки по следующим группам: алтайский язык входит в кыпчакскую; хакасский, шорский, чулымский — в киргизскую; отдельную группу, якутскую, составляют якутский и долганский языки; тувинский язык вместе с тофским и языком туха (цатанов) (Северо-Западная Монголия), а также центральным (Западная Монголия) и языком мончаков (Северо-Западный Китай) составляет отдельную группу, называемую тобасской. Авторы этой концепции исходят из того, что в общем пратюркском языке в хронологически разные периоды формируются региональные (или зональные) различия, приведшие к образованию региональных тюркских праязыков, которые дали начало современным тюркским языкам [СИГТЯ 2002: 4].

В соответствии с предлагаемой реконструкцией региональных праязыков авторы [СИГТЯ 2002] представляют уточненную классификацию тюркских языков с помощью морфологической лингвостатистики с привлечением метода глоттохронологии на основе данных современных языков и языков памятников. Согласно данной классификации, сибирские тюркские языки «отошли» от общего праязыка примерно в 50-е гг. н. э. Распад сибирской языковой общности начался в 400-е гг. н. э. отделением якутско-тувинской ветви, которая, в свою очередь, разделилась в 680-е гг.

на тобасскую и якутскую группы. Киргизская группа отделилась примерно в 790 г.; киргизский язык — в 1070 г., диалекты алтайского языка — в 1210 г. [СИГТЯ 2002: 733, 734, 737].

Таким образом, племена, населявшие Южную Сибирь, сохраняя следы общего праязыка, приобрели свои особые черты в ходе своего исторического развития. Здесь сыграла

роль и последовательность смены правящих государствообразующих тюркских племен ... и, следовательно, изменение роли разных этносов, менялось также распространение и степень влияния языков. Орхонских тюрков сменяли уйгуры, уйгуров — киргизы, киргизов разбили монголоязычные кидани [Широбокова 2002: 223].

Современные тюркские языки Южной Сибири в разной степени отражают ту или иную степень близости к древним тюркским языкам на разных уровнях языка (лексическом, грамматическом). В одних языках преобладают черты языка орхонских памятников, в других — древнеуйгурского, в третьих — древнекиргизского. Поскольку взаимодействие языков происходило в разное время, черты более поздних влияний перекрывают более ранние.

По системе глагола современные южносибирские тюркские языки относятся к кыпчакским языкам. Это проявляется в ряде черт, присущих языкам кыпчакского типа, а именно в семантической широте и функциональной активности формы на *-ган* и ее производных, а также во временных формах, образованных при участии вспомогательных глаголов *тур-*, *олур-*, *чор-*, *чит-*. Кыпчакизация тюркских языков Южной Сибири произошла под влиянием древнекиргизского языка, который был на данной территории доминирующим после разгрома кыргызами Уйгурского каганата в 840 г. Во взаимодействии с ним южносибирские тюркские языки сформировали вторичные причастия (*-галак*, *-ооччу*) [Убрятова 1985: 32, 55]. Древнекиргизский слой является более поздним в южносибирских тюркских языках.

Общие черты в области лексики и грамматики кыпчакских (киргизского, южных диалектов алтайского), южносибирских («кыпчакизированных южносибирских») языков — северных диалектов алтайского языка, хакасского, шорского и чулымского; «саянских» — тувинского и тофского) и «северо-восточносибирских» (якутского и долганского) языков проанализи-

рованы К. Шёнигом [Schönig 1991; 2006]. К числу общих форм в глагольном словоизменении он относит форму на *-GAn*¹; аналитические формы настоящего времени на *-A turur* и *-yata turur* в киргизском и кыпчакизированных южносибирских тюркских языках, а также киргизско-якутскую форму на *-V äläk / -V ilik* вместе с южносибирской формой на *-GAlAk* и «фу-юйско-тюркской» формой на *-GAlAG* [Schönig 2006: 42, 50, 52].

Уйгуры оставили на территории Центральной Азии немногочисленные письменные памятники [СУЯ 1989: 9]. Предположительно древний уйгурский язык, существовавший на территории Центральной Азии и Южной Сибири, был языком огузского типа (наличие формы на *-мыш*), но имел и специфические черты, которые определяются как уйгурские. Это — активное использование форм на *-гу* и *-йук*, а также более широкое функционирование формы на *-мыш* и др.

Уйгурские черты, одни из которых зафиксированы в памятниках, а другие, свойственные современным уйгурским диалектам, прослеживаются также в области фонетики и грамматики южносибирских тюркских языков, особенно тувинского и тофского языков.

В области фонетики: сохранение конечного *-з* (тув., тоф., хак., чул., шор.); наличие нейтрального *i* и связанное с ним нарушение гармонии гласных (хак.); нарушение гармонии гласных под влиянием *й*: *тутпейн дыр мен < тутпайн дыр мен* ‘я не держу’ (тоф.), *аний < анай* ‘козленок’ (диал. тув.). В области грамматики обнаруживаются: аналитическое выражение показателя лица *мен чыдыр мен* ‘я лежу’ (тув., тоф.); аналитическое употребление древних форм на *-тег*, *-биле* (тоф., тув.). В системе глагола современных тюркских языков Сибири остались следы древнеуйгурских причастных форм *-гу* и *-йуг*: *-гу дег* (тоф., тув., шор., хак., тел., алт.), *-чык* (тув., тоф., хак.) [Убрятова 1985: 25, 26].

Сохранение в современном тувинском языке древнеуйгурского прошедшего времени на *-йук* отмечают Д. М. Насилов [Насилов Д. М. 1966] и Ч. М. Доржу [Доржу 1984].

И последний, самый ранний слой — язык древних памятников р. Орхон с главными признаками: глагольными формами на *-мыш* и *-дук*. Следы этих языков на территории Сибири наиболее ярко проявляются в якутском и долганском, а в южносибирских тюрк-

¹ К. Шёниг называет зону распространения формы на *-GAn*, в которую входят не только кыпчакские и южносибирские языки, но и туркменский, саларский и чувашский, как «*-GAn-türkische Areal*» [Schönig 2006: 57].

ских языках почти незаметны [Убрятова 1985: 24]. Было обнаружено функционирование формы на *-мыш* на периферии глагольной системы в зарубежном диалекте тувинского языка, ценгельском (Западная Монголия) [Хийс 2009]. Н. Н. Широбокова отмечает, что древние причастные формы *-диq* и *-juq* характеризуются как этнически маркированные: первая форма связана с древними орхонскими памятниками, вторая — с уйгурскими [Широбокова 2005: 199].

Система глагола в исторических исследованиях представлена наиболее полно. С одной стороны, именно система глагола имеет тенденцию наиболее быстрого развития, с другой — в ней сохраняются древнейшие классификационно значимые формы. Следовательно, система глагола дает возможность проследить развитие языка на разных исторических этапах.

Для большинства сибирских тюркских языков выявлены не все функционирующие категориальные оппозиции в системе глагола. Объектом нашего исследования является временная система тувинского языка, пути и тенденции ее развития.

Актуальность данного исследования определяется тем, что тувинские временные формы как целостная система еще не подвергались специальному изучению. Данные по глагольным системам древних и современных тюркских языков Южной Сибири позволяют представить динамику развития временной системы тувинского языка.

Предметом исследования являются финитные временные формы тувинского языка. Это пять простых форм прошедшего времени на *-ды*, *-ган*, *-чык*, *-n-тыр*, *-бышаан*. План будущего времени формируется двумя синтетическими формами на *-ар*, *-галак*. В настоящем времени выделяются три формы: на *-а-дыр* и две аналитические формы, представляющие собой сочетание смыслового глагола с так называемыми бытийными² вспомогательными глаголами, — $T_v-n V_{(бытия)}$ -Ø, $T_v-n V_{(бытия)}$ -ар.

² В группу «бытийных» вспомогательных глаголов («бытия») в сибирских тюркских языках относят вспомогательные глаголы, восходящие к глаголам позиции / способа нахождения в пространстве *тур* 'стоять', *олур* 'сидеть', *чыт* 'лежать' и глаголу движения / перемещения в пространстве *чор* 'идти, быть в движении', которые в составе аналитических форм грамматикализуются, подвергаясь лексической десемантизации и приобретая значения 'быть', 'пребывать', 'находиться', 'существовать'. Указанные ЛСГ глаголов «принадлежат к числу очень распространенных в языках мира диахронических источников грамматических показателей» [Майсак 2005: 15, 17].

Целью данного исследования является построение временной системы тувинского языка, выявление системообразующих значений, релевантных в развитии тувинской временной системы. В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие задачи:

1. Выделение временных форм в тувинском языке.
2. Установление грамматических значений, структурирующих сферы прошедшего, настоящего, будущего времени.
3. Построение парадигмы временной системы тувинского языка.
4. Рассмотрение функционирования временных форм в синхронии.
5. Определение тенденции развития системы времени в тувинском языке в соотношении с данными древних тюркских языков, с которыми исторически связаны южносибирские тюркские языки.

Предлагаемое исследование было проведено на основе теоретических разработок в общей лингвистике и тюркологии, а также в рамках современных концепций в типологии. Теоретической базой послужили работы по проблемам темпоральности (времени), модальности, аспектуальности, эвиденциальности в тюркологии, русистике и общем языкознании; а также сравнительно-исторические, сравнительно-сопоставительные исследования тюркских языков и типологические исследования.

Материалом исследования послужила выборка из художественной литературы на тувинском языке и примеры, полученные от информантов, общим объемом около 3500 единиц.

Автор приносит благодарность рецензентам, гл. н. с. Сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН (г. Новосибирск), д. филол. н. Л. А. Шаминой, проф. НФИ Кемеровского государственного университета (г. Новокузнецк), д. филол. н. И. В. Шенцовой и вед. н. с. ИСАТ и ВЯ Хакасского госуниверситета д. филол. н. А. Д. Каксину (г. Абакан), проанализировавших работу и внесших свои предложения по улучшению ее качества.

Также автор искренне благодарен вед. н. с. Тувинского ИГИ (г. Кызыл) к. филол. н. Д. А. Монгушу; научным сотрудникам Сектора языков народов Сибири и Лаборатории экспериментальных фонетических исследований ИФ СО РАН (г. Новосибирск) гл. н. с.,

д. филол. н. Н. Б. Кошкаревой, гл. н. с., д. филол. н. И. Я. Селютиной; вед. н. с., к. филол. н. А. А. Мальцевой, с. н. с., к. филол. н. А. В. Байыроол; проф. Тувинского государственного университета (г. Кызыл), к. филол. н. М. В. Бавуу-Сюрюн за их ценные советы и поддержку.

Автор очень признателен с. н. с. Тувинского государственного университета (г. Кызыл), к. филол. н. А. Б. Хертек и с. н. с. ХакНИИЯЛИ (г. Абакан), к. филол. н. И. М. Чебочаковой, оказавших помощь в корректуре и технической правке при подготовке рукописи к печати.

Особую благодарность автор выражает своему научному руководителю, д. филол. н. Н. Н. Широбоковой, без многолетнего и неустанного участия которой не состоялось бы данное исследование.

Издание монографии произведено благодаря финансовой поддержке Фонда «Развитие фундаментальных лингвистических исследований» (г. Москва).

Кызыл, август 2014 г.

ГЛАВА I

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ, СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕНИЕМ КАТЕГОРИАЛЬНОГО СТАТУСА ФОРМ, ПЕРЕДАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЯ ВРЕМЕНИ, МОДАЛЬНОСТИ, АСПЕКТА И ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

1.1. Краткая история изучения вопроса

Научное исследование тувинского языка было начато выдающимися востоковедами В. В. Радловым (Вильгельм Фридрих Радлов) и его учеником Н. Ф. Катановым. В. В. Радлов впервые посетил район Кара-Холя в 1861 г. с целью изучения тувинского фольклора. Тогда он записал две сказки и четыре песни, которые были впоследствии опубликованы [Радлов 1907]. Особенности тувинского языка по сравнению с другими сибирскими тюркскими языками, алтайским и хакасским, он изложил в своем известном труде по фонетике тюркских языков Сибири [Радлов 1899].

Н. Ф. Катанов является основоположником тувинского языкознания. Ему принадлежит первое научное грамматическое описание тувинского языка — «Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня» [Катанов 1903], которое было написано на основе собранного им фактического материала во время экспедиции в центральной и западной Туве в 1889 г. Эта работа явилась основой для дальнейшего научного изучения тувинского языка. Собранный им языковой материал был опубликован В. В. Радловым [Радлов 1907].

С середины 20-х гг. XX в. в Москве и Ленинграде началась работа по подготовке к созданию тувинской письменности. В это время тувинцами использовался монгольский алфавит,

поскольку официальным языком в Туве служил монгольский язык, которым владело духовенство и чиновничество. 28 июня 1930 г. была введена письменность на основе латинского алфавита, в ее разработке принимали участие Е. Д. Поливанов, Н. Н. Поппе, А. М. Сухотин, Н. Ф. Яковлев, А. А. Пальмбах, а также геше-лама Верхнечаданского хурээ Монгуш Лопсан-Чимит. Письменностью на основе латиницы пользовались 11 лет. В это время параллельно разрабатывалась письменность на основе кириллицы. И в 1941 г. было принято решение о переводе тувинской письменности на кириллицу.

После вхождения Тувы в состав СССР (1944 г.) активизировалась работа по изучению тувинского языка. В изучение тувинского языка и подготовку тувинских лингвистических кадров большой вклад внесли С. Е. Малов, В. М. Надеяев, Е. И. Убрятова, Н. А. Баскаков, А. Н. Кононов, Г. Ф. Бабушкин, Е. В. Севортьян, Э. Р. Тенишев, И. А. Батманов, А. А. Пальмбах, Ф. Г. Исхаков и др. Системное исследование и изучение тувинского языка было начато с открытия Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы, истории (ТНИИЯЛИ) в 1945 г.

Вопросы изучения грамматического времени в тувинском языке получили освещение в работах исследователей тувинского языка, начиная с Н. Ф. Катанова. В «Опыте исследования тувинского языка...» грамматическое время представлено пятью формами: 1) форма прошедшего совершенного времени на *-ды/-дi* (*алды* ‘взял’); 2) форма прошедшего несовершенного времени на *-кан/-кән* (*корткан-бән* ‘я боялся’); 3) форма настоящего времени «для обозначения однократности действия», образованная от деепричастия на *-н* и вспомогательного глагола *тур* (*тин-тур-бән* ‘говорю’); 4) форма настоящего времени «для обозначения многократного действия», образованная от деепричастия на *-а* и вспомогательного глагола *тур* (*көшä-тур-бән* ‘кочую, имею обыкновение кочевать’); 5) форма будущего времени на *-ар/-är* (*кiрiр-бән* ‘войду’) [Катанов 1903: 667—669, 718—720, 722—725].

Впервые форму на *-н-тыр* определили как «прошедшее повествовательное время» в [Биче-оол, Исхаков 1952: 167].

Ш. Ч. Сат в кратком грамматическом очерке «Тувинский язык», приложении к «Тувинско-русскому словарю», рассматривает 9 форм времени. В плане прошедшего времени: 1) прошедшее

неопределенное на *-ган*, 2) прошедшее определенное на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ -*ган*, 3) прошедшее достоверное (категорическое) на *-ды*, 4) прошедшее на *-чык*, 5) прошедшее-настоящее на *-бышаан*. В плане настоящего времени: 1) настоящее достоверное на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ - \emptyset , 2) настояще-будущее на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ -*ар*. В плане будущего времени: 1) будущее ожидаемое на *-галак*, 2) будущее неопределенное на *-ар* [Сат 1955: 686—694]. Здесь впервые отмечена как временная форма на *-бышаан*. В системе изъявительного наклонения автором не выделяются формы на *-n-тыр* и *-а-дыр*. Позднее в учебном пособии «Амгы тыва литературлуг дыл» данные формы характеризуются как временные [Сат, Салзынмаа 1980: 193, 198].

Авторы «Грамматики тувинского языка» Ф. Г. Исаков и А. А. Пальмбах выделяют также 9 форм времени [ГТЯ 1961]. Но набор выделяемых форм отличается от системы Ш. Ч. Сата, в которой представлены аналитические формы прошедшего определенного времени на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ -*ган* и настояще-будущего времени на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ -*ар* [Сат 1955]. В ГТЯ данные формы не отмечаются. План прошедшего времени представлен здесь пятью формами: 1) прошедшее категорическое на *-ды*, 2) прошедшее неопределенное на *-ган*, 3) прошедшее повествовательное на *-n-тыр*, 4) прошедшее риторическое на *-чык*, 5) прошедшее-настоящее на *-бышаан*. В плане настоящего времени имеются две формы: 1) настоящее конкретное на T_v -*n* $V_{(чит-, тур-, олур-, чор-)}$ - \emptyset , 2) настоящее заглазное на *-а-дыр*. В плане будущего времени — две формы: 1) будущее-настоящее на *-ар*, 2) будущее ожидаемое на *-галак* [ГТЯ 1961: 365—391].

Специальному анализу форм прошедшего времени посвящена монография Д. А. Монгуша «Формы прошедшего времени изъявительного наклонения в тувинском языке». Здесь подробно рассматриваются значения пяти форм прошедшего времени: *-ды*, *-ган*, *-ыт-тыр*, *-чык*, *-бышаан*. Д. А. Монгуш указывает на связанность выражения временных и модальных значений некоторых из данных форм с категорией персональности. Кроме вышеперечисленных временных форм, автор приводит усложненные, созданные на их базе, формы и дает описание их значений. Монография богата сравнительным материалом из других тюркских языков, на фоне которого выявляются специфические

для тувинского языка формы и значения [Монгуш 1963]. Кроме того, Д. А. Монгуш исследовал значения отдельных временных форм: настоящего заглазного времени на *-а-дыр* [Монгуш 1958]; будущего ожидаемого времени на *-галак* — и особо тщательно проанализировал аналитические формы, образованные на базе формы на *-ган* [Монгуш 1959].

Вопросы описания временной системы в тюркских языках связаны с выделением и разграничением форм наклонений и описанием их семантики. Теоретические вопросы соотношения времени / наклонения в тюркских языках и методики их изучения разработаны Н. А. Баскаковым [Баскаков 1968; 1971; 1979; 1981], Н. З. Гаджиевой [Гаджиева 1968; 1980] и др. Системам времен в алтайских и тюркских языках посвящены работы И. В. Кормушина [Кормушин 1984; 1988; 1991; 2008].

Сравнительно-сопоставительные и сравнительно-исторические описания тюркских языков дают ориентир в описании грамматических форм отдельных тюркских языков. Основными работами в этом направлении для нас послужили исследования: [Дмитриев 1962; Рассадин 1978; Гаджиева 1979; 1980; 1986; Серебренников 1979; 1986; Грунина 1966; 1991; 1996; 2000; Щербак 1981; 1994; Гузев 1990; Широбокова 2005]. Последняя работа, основные положения которой послужили для нас в качестве базовых, нами детально проработана.

Описание семантики отдельных временных форм, временных полей и систем времен в древних тюркских языках приводится в работах [Баскаков 1965; 1975; Кононов 1980а; 1980б; Насилов Д. М. 1963; 1966; 1976; 2005; Серебренников 1974]. Об историческом развитии тюркских глагольных временных форм см. в [Серебренников, Бирюкович 1981; 1984]. Свой взгляд на динамику развития системы времени в тюркских языках представил В. Г. Кондратьев [Кондратьев 1985].

Теоретические положения по выделению видовых значений и форм их грамматического выражения в тюркских языках были разработаны Д. М. Насиловым [Насилов Д. М. 1986; 1989]. Взгляд на систему индикатива как на особую видо-временную (аспекто-темпоральную) систему в глаголе тюркских языков представлен в следующих работах: [Johanson 1971; 1975; 1994; 1996; 2000а; 2000б; 2001; Buder 1989; Мехмет 2000; Габдрахманова 2009].

Принимая в качестве базовых традиционно сложившиеся описания значений временных (видо-временных) систем в тюркских языках, мы привлекаем для анализа семантики исследуемых форм времени в тувинском языке также современные достижения исследований по теории общей грамматики. Вопросы рассмотрения граммем времени, аспекта, эвиденциальности и модальности в свете современных концепций описания универсальных грамматических категорий освещаются в типологических и сравнительно-сопоставительных работах. Это работы [Comrie 1976; 2000; Козинцева 1994; 2007; Мельчук 1998; Кузнецова 2004; Плунгян 1998; 2000; 2001; 2011; Татевосов 2004; 2005; Майсак 2005].

Таким образом, для целостного описания временной системы тувинского языка с точки зрения комплексного устройства семантики каждого члена данной парадигмы, сформированной в ходе исторического развития тувинского языка, привлекаются современные достижения в области изучения теории лингвистики, а также в области сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных исследований тюркских языков, материалы по грамматике древних тюркских и сибирских тюркских языков, имевших исторические и ареальные связи с тувинским языком.

1.2. Теоретические проблемы, связанные с выделением временной парадигмы тувинского языка

Ощущение времени для каждого человека является субъективным, а восприятие времени множества людей, принадлежащих к одной культурно-коммуникативной группе, каковой является отдельный исторически сложившийся этнос, находит свое отражение в языке. Поэтому временные представления в различных этнических общностях формируются по-разному. Как следствие этого, в языках мира существуют различные по содержанию и составу временные значения, выраженные в морфемах, лексемах, фразеологических единицах, синтаксемах.

Идея времени в своей «высшей концентрации» реализуется в мельчайших значимых единицах языка, морфемах — грамматических формах времени, составляющих вместе особую для каждого языка временную систему. Поэтому в каждом конкретном языке временная система имеет свою специфическую структуру и

особые взаимоотношения между самими значениями временных форм, с одной стороны, а также отношения значений этих форм с формами и значениями других языковых категорий — с другой.

Временные системы тюркских языков характеризуются большим количеством показателей. Наиболее богато представлено поле прошедшего времени. В современных тюркских языках насчитывается от двух до шести форм прошедшего времени. Особенность тюркской временной формы как элемента системы времени состоит в том, что она является полисемантической — совмещает в себе наряду с собственно временным значением аспектуальные, эвиденциальные, иногда и модальные значения. Категориальная принадлежность тюркской формы к системе времени определяется преобладанием значения времени в комплексной семантике данной формы. Поэтому существует ряд проблем разграничения данных значений в тюркских языках:

- выбор форм со значением времени, которые будут описываться;
- отграничение временных значений между собой;
- разграничение временных и модальных значений;
- разграничение модальных значений между собой;
- разграничение модальных и эвиденциальных значений;
- выделение аспектуальных значений, с учетом различий в понимании вида и аспекта.

Таким образом, временная система в современном тувинском языке представляет собой сложную организацию взаимодействующих функциональных (структурно-семантических) полей, единицы которых связаны между собой также внутренними семантическими взаимоотношениями. Единица функционального поля времени — финитная глагольная форма, включающая в себя комплекс значений времени, эвиденциальности, аспектуальности, модальности, где категориально определяющим значением является временное значение. Центр функционального поля времени составляют глагольные финитные формы с преобладающим значением времени, отличающиеся высокой частотностью употребления и нейтральные в отношении стилистического употребления в современном тувинском языке.

В системе времени в тувинском языке мы выделяем десять форм: в поле прошедшего времени — формы на *-ды*, *-ган*, *-чык*, *-п-тыр*, *-бышаан*; настоящего времени — формы на T_v -*n*

$V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}$ - \emptyset , T_v - n $V_{(тур-, олур-, чор-, чыдыр)}$ - ap , $-a$ - $дыр$; будущего времени — формы на $-ap$, $-галак$. Данные формы все без исключения, помимо собственно временных значений, имеют дополнительные граммы и обладают сложными комплексами значений и различаются сферой употребления.

Первая проблема связана с определением категориального статуса формы. Отнесение форм к той или иной категории (времени, модальности, аспектуальности, эвиденциальности) определяется преобладанием соответствующего признака в семантическом содержании формы с опорой на языковое чутье исследователя. Такое достаточно субъективное определение порождает выделение разного количества временных форм и косвенных наклонений в трудах разных авторов.

Именно относительное преобладание временной семантики выделяет категорию времени в тюркских языках. В этом отношении наиболее обоснованы позиции прошедшего и настоящего времени, будущее время занимает промежуточное положение между индикативом и косвенными наклонениями.

Форма на $-p$ в одних тюркских языках занимает позицию настоящего-будущего времени, в других — является формой будущего времени, в третьих — осложнена модальным значением предположительности (в огузских языках). Форма на $-гай$ в большинстве тюркских языков уже не употребляется как форма будущего времени, вышла за рамки индикатива и функционирует как форма косвенных наклонений. Как временная форма она определяется только в тофском языке [Рассадин 1978].

Форма прошедшего времени на $-чык$ в тувинском языке осложнена модальным значением подчеркнутой утвердительности. Временные, модальные и эвиденциальные компоненты значений взаимодействуют со значением персональности. Так, относительно свободная от каких-либо модальных, аспектуальных и эвиденциальных оттенков значений форма на $-p$ во 2-м лице выражает побуждение. Форма на $-ды$ в значении будущего времени, которое возможно только во 2-м лице субъекта, выражает модальное значение предостережения (прохибитива). Такая взаимосвязь значений форм индикатива и косвенных наклонений объясняется генетическим родством форм, их происхождением из древних полисемантических неличных форм.

Научное издание

Байлак Чаи-ооловна Ооржак

ВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА ТУВИНСКОГО ЯЗЫКА

Корректор О. Круподер
Оригинал-макет подготовлен Л. А. Ооржак
Художественное оформление переплета И. Богатыревой

Подписано в печать 01.12.2014. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Языки славянской культуры»
№ государственной регистрации 1037739118449.
Phone: 8 (495) 624-36-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4